ЭКОНОМИКА ТРУДА

УДК 338.242.48

В.В. Мосейко¹

*Калининградский государственный
технический университет,
г. Калининград, Россия*

Е.А. Фролова²

*Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,
г. Томск, Россия*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ РОССИЙСКОГО ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПЕНСИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ИНДИВИДОВ

Аннотация. В данной работе представлен анализ параметров участия разных возрастных групп (пенсионных стратегий) при формировании пенсионного блага в контексте теории жизненного курса с учетом изменений пенсионного законодательства в 2015 г. Цель исследования – выявить эффективные пенсионные стратегии для населения в России с учетом новаций в пенсионном страховании, которые введены в действие в 2015 г. В рамках поставленной цели в статье дается оценка последствий отсрочки выхода на пенсию, увеличения страхового стажа, минимальных пенсионных коэффициентов, изменения накопительных механизмов. Теоретической основой работы является институциональная теория контрактов. Фактографическая база исследования представлена информационно-аналитическими материалами Организации экономического сотрудничества и развития, Федеральной службы государственной статистики и Пенсионного фонда России, а также результатами социологических опросов и панельных обследований, проведенных в России по вопросам пенсионного страхования в последние несколько лет. На основе проведенного исследования установлено, что российский пенсионный контракт характеризуется значительным усилением позиций государства при сокращении возможностей для населения принимать самостоятельные решения. Это приводит к сокращению финансовой самостоятельности и независимости индивидов в части формирования пенсионных стратегий. Установлено, что изменения в системе пенсионного страхования, введенные в действие в 2015 г. не способствуют повышению интереса населения к проблемам пенсионирования, а, напротив, усиливают пассивность при реализации стратегий жизненного курса в части формирования пенсионного блага. Выявлено, что наиболее популярными формами участия разных возрастных групп в процессе формирования пенсионного блага в России являются пассивное присоединение либо приспособление (адаптация) к внедряемым пенсионным новациям. Выводы и предложения, сформулированные в данной работе, могут быть использованы для дальнейшего исследования отдельных аспектов формирования и развития элементов российской системы пенсионного страхования.

Ключевые слова: пенсионирование; пенсионное страхование; пенсионное обеспечение; социальный контракт; пенсия; пенсионное благо; стратегии жизненного курса.

Актуальность темы исследования

Стремление повысить благополучие пожилых людей после выхода на пенсию непосредственно связано с формированием стратегии жизненного курса.

Стратегия жизненного курса предполагает деятельный подход в основных направлениях индивидуального развития: создание семьи и рождение детей, забота о здоровье, занятия спортом, получение

образования, повышение квалификации, налаживание социальных связей, выбор профессии и места работы, пенсионного финансового плана.

В нашей работе внимание концентрируется на том аспекте стратегии жизненного курса, который сопряжен с процессом формирования пенсионного блага. Формирование индивидуального и общественного пенсионного блага охватывает очень длительный временной период с момента начала трудовой деятельности индивида и по достижении официального пенсионного возраста. И на протяжении всей жизни индивида инструменты и механизмы участия в системе пенсионного страхования претерпевают изменения в силу изменения параметров занятости, семейного положения, уровня доходов, предпочтений ликвидности в части формирования финансовых ресурсов для обеспечения достойного уровня жизни в период нетрудоспособности.

Стратегии жизненного курса также различаются мотивацией индивидов и инфраструктурой формирования пенсионного блага. Мотивационные факторы и спектр возможностей, доступных для индивидов, изменяются по мере перехода индивида из одной социальной и/или возрастной групп в другую.

В данной работе предпринята попытка анализа пенсионных стратегий индивидов в России с учетом изменений современной пенсионной системы.

¹ *Мосейко Виктория Владимировна* – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Калининградского государственного технического университета, г. Калининград, Россия, (236022, г. Калининград, Советский пр., 1); e-mail: vimoreiko@gmail.com.

² *Фролова Елена Александровна* – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск, Россия, (630050, г. Томск, пр. Ленина, 30); e-mail: fea78@tpu.ru.

Степень изученности и проработанности проблемы

В зарубежной научной литературе социально-экономическая проблематика старения представлена достаточно широко. Отдельные аспекты старения, их связь с социальной политикой и стратегиями жизненного курса рассматриваются в работах К. Эстес, К. Комп, М. Аартсен, К. Филипсон [1, 2, 3, р. 502–509]. Влияние социальных и экономических изменений на благополучие пожилых людей для разных возрастных когорт рассматривают М. Эвандру и К. Глэзер, С. Харпер, А. Варнес [4, 5, 6].

Особенности современных пенсионных систем представлены в работах П. Ллойд-Шерлока, А. Заиди, Л. Фостера [7, 8, 9]. Новации в пенсионном обеспечении в рамках концепции государства всеобщего благосостояния и с учетом особенностей современной демографической и социально-экономической структуры населения представлены в трудах Г. Эспинг-Андерсена, Дж. Винсента, Дж. Балдока [10, 11, 12].

Теория социального контракта, помимо классических трудов Ж.-Ж. Руссо и Дж. Роулза, также представлена в работах К. Бинмора, М. Тиенда, А. Кристианса [13, 14, 15].

Российские исследователи главным образом сосредоточены на изучении вопросов предоставления общественных благ [16, 17]; проблем реформирования пенсионной системы и перспектив ее дальнейшего развития [18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25]; влиянии социально-экономических и демографических факторов на развитие пенсионных систем [26, 27]; проводят анализ отдельных институтов пенсионного обеспечения и пенсионного страхования [28, 29, 30]; исследуют параметры уровня и качества жизни пенсионеров и, в том числе, факторы бедности пенсионеров [31, 32]. Данные вопросы, несомненно, актуальны в современных реалиях.

Российские ученые в меньшей степени уделяют внимание старению с точки зрения мультидисциплинарного подхода на основе интеграции методических подходов современной социологии, психологии, экономики, медицины и ряда других научных направлений в силу значительной разрозненности научных направлений и трудностей в процессе адаптации различных научных подходов к решению комплексных задач. Мультидисциплинарность обладает значительным потенциалом именно в сфере изучения старения населения, что подтверждается востребованностью трудов В. Роика, [33], О. Синявской, Т. Малевой [21, 30, 34] и способствует формированию особых научных направлений – социальной геронтологии, социальной информатики и других.

В этой связи вопрос о формировании пенсионных стратегий как части стратегии жизненного курса индивидов на основе мультидисциплинарного подхода, который позволяет интегрировать различные аспекты человеческой деятельности в длительном историческом периоде является одним из малоизученных [34, с. 554; 35, 36], представляется наиболее перспективным направлением в исследовании пенсионных систем и оценки их влияния на благополучие лиц старшего возраста.

Предлагаемые методы и подходы, их оригинальность (новизна)

Процесс формирования и развития стратегий в контексте жизненного курса индивида напрямую зависит от существующей системы пенсионирования, под которой мы понимаем всю совокупность отношений по пенсионному обеспечению и пенсионному страхованию и ее трансформации во времени.

В современной экономической науке феномен старения населения рассматривается сквозь призму разных социально-экономических аспектов [26, 29]. Современные пен-

сионные системы находятся под влиянием широкой совокупности групп факторов: демографических (старение населения, повышение демографической нагрузки, повышение общей продолжительности жизни, миграционные изменения); экономических (изменение отраслевой и территориальной структуры экономики, низкая устойчивость экономического роста), социальных (рост имущественного и социального неравенства, популярность идей социального государства); политических (востребованность демократических процедур принятия решений в социальной, в том числе пенсионной сферах). Данные факторы приводят к изменению пенсионных систем по всему миру [37].

В этой связи в исследованиях, посвященных анализу и оценке пенсионных систем, авторы используют различные подходы: системный, исторический, сравнительно-аналитический, эмпирический и статистический анализ.

Оригинальность нашего подхода в изучении пенсионных систем состоит в том, что базовые принципы формирования пенсионных правил в современной системе пенсионного страхования рассматриваются с позиций теории социального контракта [24, 38]. Национальное пенсионное страхование и пенсионное обеспечение – это специальный социальный пенсионный контракт, который, в зависимости от преобладания жестких, диктуемых государством, правил пенсионирования или инструментов добровольного взаимодействия субъектов по поводу формирования пенсионного блага, может быть преимущественно вертикальным или преимущественно горизонтальным.

Рассматривая системы пенсионирования через теорию социальных контрактов, можно выделить две основные тенденции их развития. Первая направлена на укрепление равноправного партнерства всех экономических субъектов, участвующих в

формировании пенсионного блага, и предусматривает предоставление значительной свободы выбора параметров пенсионного страхования для населения (горизонтальный пенсионный контракт). Вторая тенденция, напротив, предполагает повышение роли государства в ущерб активности остальных экономических субъектов в процессе формирования пенсионного блага и ограничение возможных альтернатив для населения (вертикальный пенсионный контракт).

Вертикальный пенсионный контракт отличается асимметричностью сторон с усиленной позицией государства в решении пенсионных вопросов, в то время как горизонтальный пенсионный контракт, напротив, предполагает формирование партнерских взаимоотношений всех заинтересованных сторон пенсионирования (пенсионеров, работающего населения, государства, бизнеса) [38]. Использование частно-накопительных механизмов способствует расширению взаимосвязей, основанных на равноправном сотрудничестве, и стимулирует трансформацию вертикального пенсионного контракта в горизонтальный.

Основные тенденции реформирования мировых пенсионных систем в начале XXI в. предусматривают переход от распределительных систем к смешанным или, в большей мере, к накопительным и, во-вторых, расширение применения негосударственных механизмов в системе пенсионирования, а значит, усиление горизонтальных связей. Тем не менее в ряде стран вертикальные связи в пенсионных взаимоотношениях сохраняются в значительной степени.

В условиях жестких пенсионных правил, когда государственные программы пенсионного обеспечения или страхования являются основными или (часто) единственными институтами пенсионирования для населения, стратегии социальных

групп вырабатываются в основном под влиянием проводимой государственной пенсионной политики и представляют собой, как правило, кратко- и среднесрочные приспособления индивидов и социальных групп под происходящие пенсионные трансформации.

Особую актуальность данные стратегии приобретают в России, где с 2002 г. [18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 27, 30] и до настоящего времени проводится масштабная пенсионная реформа, затрагивающая различные институты пенсионного обеспечения и пенсионного страхования.

Очередной виток изменений в российской пенсионной системе произошел в 2015 г. Он предусматривает модификацию условий назначения страховых пенсий по старости – самого распространенного вида пенсионного обеспечения в России. Новации предполагают внесение изменений в правила определения пенсионного возраста, увеличение минимального страхового стажа, введение института пенсионных коэффициентов [25, 30].

В данной работе проведен анализ влияния пенсионных новаций на пенсионные стратегии российского общества и доказано преобладание тенденций присоединения и адаптации индивидов к внедряемым пенсионным программам.

Институциональные инновации российской пенсионной системы: анализ предварительных результатов

Активное участие в пенсионных финансовых планах на добровольной основе возможно только при развитой системе горизонтальных связей, когда рынок пенсионных услуг представлен широкой сетью агентов, а население готово принять на себя ответственность за свое благополучие в пожилом возрасте.

В условиях вертикального пенсионного контракта, когда все решения инициру-

ются государством, население вынуждено принимать участие в системе пенсионирования и имеет мало возможностей для принятия самостоятельных решений. В рамках вертикального пенсионного контракта, государственные проекты часто являются принудительными, конкуренция на рынке пенсионных услуг низка, отсутствуют возможности для широкого диапазона действий в отношении процессов формирования своей пенсии. Поведенческие установки представителей разных социальных групп ограничены существующим пенсионным контрактом и больше напоминают приспособления под часто меняющиеся правила игры. Формирование индивидуальных пенсионных финансовых планов на добровольной основе при наличии значительных обязательных страховых отчислений является привлекательной стратегией главным образом для тех работников, которые имеют высокие заработки. Вертикальный пенсионный контракт, искусственным образом создавая социальные группы с разным набором инструментов формирования пенсионного блага, приводит к инвариантности стратегий для социальных групп. Набор стратегий формирования пенсионного блага в условиях существования вертикального пенсионного контракта обуславливается приспособлением социальных групп под возможные схемы пенсионного планирования.

В условиях горизонтального пенсионного контракта, где государство является только одним из субъектов, оказывающем услуги на рынке пенсионных благ, решения относительно формирования пенсионного блага принимаются, руководствуясь экономическими параметрами: цена и качество пенсионного блага при наличии альтернативных вариантов, предлагаемых негосударственными пенсионными институтами и финансовыми организациями. Горизонтальный пенсионный контракт, наделяя

субъектов пенсионных отношений одинаковыми правами и инструментами, тем самым создает предпосылки для равного доступа к формированию достойного пенсионного обеспечения для всех категорий населения. Развитый рынок пенсионных услуг и наличие многообразных пенсионных программ позволяют формировать разные стратегии жизненного курса. Иначе говоря, горизонтальный пенсионный контракт способствует развитию многовариантных стратегий формирования пенсионного блага.

Российский социальный пенсионный контракт характеризуется преобладанием государства в процессе формирования пенсионного блага и в этом смысле является вертикальным. Он предполагает обязательства по участию в государственном пенсионном обеспечении и пенсионном страховании. По этой причине негосударственные системы пенсионирования в России не столь популярны. Любой индивид вправе принимать участие в системе добровольного пенсионного страхования, однако в силу дефицита финансовых ресурсов и возможностей, а также преобладания системы государственного пенсионного обеспечения и некоторых других институциональных особенностей современного российского финансового рынка, оно недостаточно представлено в нашей стране.

Основные показатели негосударственного пенсионного страхования в России демонстрируют поступательный рост, однако в общей системе пенсионирования в России место негосударственного страхования остается незначительным и в основном связано с формированием накопительной пенсии в рамках института обязательного пенсионного страхования. Социологические исследования демонстрируют отсутствие готовности населения России участвовать в программах негосударственного пенсионного страхования³, в том числе из-за недоверия к негосударственным пенсионным финансовым институтам и

негосударственным пенсиям как источнику дохода в пожилом возрасте.

Большинство формальных пенсионных институтов по определению являются общими для всех граждан России и не требуют от населения, таким образом, каких-либо действий, направленных на формирование оптимальных финансовых планов в пожилом возрасте. Более того, государственное пенсионное обеспечение, представленное совокупностью отдельных институтов, оказывает разное действие на различные возрастные и социальные группы населения.

С учетом новаций в современной российской пенсионной системе необходимо

провести анализ стратегий индивидов, направленных на адаптацию к нормам современного российского пенсионного страхования. Изменения пенсионного законодательства в 2015 г. могут способствовать существенной модификации пенсионных стратегий разных категорий населения.

Новация № 1. Новое пенсионное законодательство предусматривает отсрочку выхода на пенсию, современная пенсионная формула предполагает повышенные коэффициенты для расчета фиксированной выплаты и индивидуальной части страховой пенсии за каждый год отложенной пенсии.

Таблица 1
Экономическая характеристика негосударственного пенсионного страхования⁴

Показатели	Годы					
	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Число негосударственных пенсионных фондов	262	290	151	146	134	120
Численность участников, тыс. чел.	3375,2	6059,1	6634,0	6596,0	6781,5	6769,1
Численность получателей негосударственных пенсий:						
всего, тыс. чел.	281,9	705,7	1361,9	1470,9	1537,1	1551,2
в процентах от общей численности пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации (в 2000 г. – в органах социальной защиты населения)	0,7	1,8	3,4	3,7	3,8	3,8
Общая сумма пенсионных выплат, млн руб.	600	7569	26660	31305	36649	40997
Сумма пенсионных выплат в среднем в месяц на одного получателя, руб.	177	894	1631	1774	1987	2202

³ Дебаты об обязательной накопительной пенсии. Опрос 21–24 августа 2014 года. 43 субъекта РФ. 860 респондентов 47 лет и моложе. ООО ИнФОМ. URL: <http://fom.ru/special/pensija.html>.

⁴ Российский статистический ежегодник – 2014. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/06-13.htm.

Основные предпосылки для появления данной новации не в полной мере ясны. Возможно, эти изменения являются попыткой повысить финансовую устойчивость пенсионной системы за счет работающих граждан пенсионного возраста или это первый шаг на пути к повышению пенсионного возраста, а может быть это подведение фундамента под принцип отказа от выплаты пенсии работающим пенсионерам.

На первый взгляд данная мера может стимулировать пожилых людей к более длительной трудовой деятельности, так как сам факт трудовой активности уже создает определенные предпосылки для активного долголетия и предусматривает возможность повышения материального благосостояния для человека работающего, нежели того, кто находится на пенсии и не имеет иных источников дохода. Очевидно, что данная новация ориентирована главным образом на пожилых людей, которые еще не достигли границы официального пенсионного возраста, поскольку решение об отсрочке назначения пенсии принимается при достижении пенсионного возраста и наличии всех остальных условий для ее назначения.

С учетом различий в продолжительности жизни и официально установленной границы пенсионного возраста в развитых и развивающихся странах [37], а также относительно низких показателей продолжительности жизни и пенсионного возраста в России, наблюдается довольно высокая экономическая активность пенсионеров в России. В 2014 г. на долю работающих пенсионеров приходилось более 35 % из общей численности пенсионеров.

По данным обследования⁵, ради того, чтобы размер пенсии вырос в 1,5 раза го-

товы отложить обращение за ней 20 % респондентов 45 лет и старше; ради того, чтобы он вырос в 2 раза – 29 %. Однако насколько готовы пенсионеры отказаться от пенсии в момент достижения пенсионного возраста ради ее повышенного размера в будущем, вопрос, который не имеет однозначного ответа.

Рассмотрим несколько возможных стратегий действия в зависимости от сочетания двух основных параметров экономической активности пожилых людей – наличия оплачиваемой работы после достижения пенсионного возраста и возможности отложить получение пенсии на определенный срок для сохранения пенсионного капитала и получения прибавки к пенсии в период, когда трудовая активность будет недоступна в силу значительных ограничений, связанных с ухудшением состояния здоровья. Следовательно, возможные стратегии пенсионеров в момент достижения условий получения страховой пенсии по старости, таким образом, включают:

Стратегию № 1: пенсионер работает и получает пенсию;

Стратегию № 2: пенсионер продолжает работать и откладывает получение пенсии на определенный срок;

Стратегию № 3: пенсионер не работает и получает пенсию.

Стратегия № 1 при условиях наличия работы и получения пенсии может иметь два возможных варианта: первый относится к ситуации, когда работающий пенсионер получает пенсию и тратит ее на текущее потребление, второй вариант предполагает продолжение трудовой деятельности при получении пенсии и ее накоплении/инвестировании.

В первом случае человек потребляет весь свой совокупный доход. Скорее всего, эта стратегия будет относиться к группе лиц с незначительными доходами и высоким уровнем потребления. Российские пен-

⁵ Панельное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». URL: <http://www.opes.ru/1686807.html> (дата обращения: 15.04.2016).

сионеры в силу ограниченной трудоспособности рассматриваются в качестве одной из наиболее уязвимых групп и в связи с этим подверженных риску бедности [31, 32, 34, с. 572–573].

Отказ от отсрочки назначения пенсии может быть обусловлен целым рядом причин: низкий заработок и возможность его дополнения пенсионным доходом, слабое здоровье и, в связи с этим, вероятность низкой продолжительности жизни, отсутствие возможности наследования страховой пенсии по старости.

Другой вариант развития событий происходит тогда, когда индивид может себе позволить тратить только дополнительные доходы, (например, доходы от трудовой деятельности). В этом случае возможно применение стратегии получать пенсию, и инвестировать ее в какой-либо проект или открыть вклад в банке.

Предположим, что часть пенсионеров могли бы отложить получение своей пенсии на определенный срок, но не более чем на 10 лет. Заметим, что современное пенсионное законодательство предусматривает повышенные коэффициенты только до 10 лет отсрочки от обращения за назначением пенсии, поэтому в продлении этого периода нет экономического смысла. Таким образом, данная категория граждан может выбирать стратегию № 2.

Стратегия № 2 может быть реализована при условии высокого уровня доверия государственным пенсионным институтам. Установленные премиальные коэффициенты являются мощным инструментом стимулирования (при отсрочке за назначением пенсии на 10 лет ее размер увеличивается более чем в два раза) но, по мнению ряда экспертов [28], недостаточным для мотивации отсрочки назначения пенсии.

Представим в диаграмме основные положительные и отрицательные последствия от решения отсрочки от назначения пенсии (рис. 1).

Полагаем, что стратегия № 2 при наличии возможности сохранения заработка при выплате пенсии может быть востребована только среди наиболее обеспеченных групп населения в предпенсионном возрасте. Основными характеристиками этих групп являются хорошее состояние здоровья и высокий заработок. Первая характеристика позволяет надеяться на высокую продолжительность жизни и повышает вероятность получения отложенной пенсии, вторая – возможность получать достаточный доход для текущего потребления в условиях отказа от получения пенсии.

Учитывая выявленные недостатки стратегии № 2, представляется, что стратегии № 1 в некоторых случаях будет более привлекательной.

Стратегия № 3 – совокупность действий для тех, кто отказывается от трудовой деятельности по достижении пенсионного возраста и рассчитывает на пенсию как единственный источник дохода. Такой сценарий может быть распространен на индивидов, которые не могут или не хотят работать по разным причинам (состояние здоровья, изменение образа жизни, дискриминация на рынке труда). В том числе к этой группе следует отнести тех пенсионеров, которые работают или перешли работать в нелегальный сектор экономики.

Среди всех рассмотренных выше стратегий самой предпочтительной, на наш взгляд, является модификация стратегии № 1, когда индивид работает и получает пенсию, но инвестирует ее в формирование дополнительного пенсионного капитала. Наличие пенсии рассматривается как дополнительный доход, который можно накапливать, используя при этом в том числе разные финансовые инструменты. Полагаем, что получение пенсии в текущий период вне зависимости от вариантов распоряжения ею наиболее выгодно, чем отсрочка пенсии. К тому же если у пенсионера есть возможность открыть вклад в

Рис. 1. Положительные и отрицательные последствия от выбора отсрочки от назначения пенсии

Таблица 2

Сравнительный анализ пенсионных стратегий № 1, № 2 и № 3

Характеристики стратегий	Пенсионер работает и получает пенсию (стратегия № 1)	Пенсионер продолжает работать и откладывает получение пенсии на определенный срок (стратегия № 2)	Пенсионер получает пенсию и прекращает трудовую деятельность (либо перемещается в сектор нелегальной занятости) (стратегия № 3)
1	2	3	4
Порядок начисления и выплаты пенсии	Пенсия назначается в общеустановленные законодательством сроки при достижении пенсионного возраста	За назначением пенсии можно обратиться в любой момент после написания заявления об отсрочке назначения пенсии	Пенсия назначается в общеустановленные законодательством сроки при достижении пенсионного возраста

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Возможности для увеличения размера пенсии, в том числе:			
за счет премиальных коэффициентов		увеличение пенсионных баллов за счет применения премиальных коэффициентов, соответствующих периоду отсрочки	
вследствие продолжения трудовой деятельности и увеличения пенсионного капитала и пенсионных баллов	увеличение пенсионного капитала и пенсионных баллов вследствие продолжения трудовой деятельности по правилам перерасчета для работающих пенсионеров	увеличение пенсионного капитала и пенсионных баллов вследствие продолжения трудовой деятельности	
благодаря проведению индексации	увеличение пенсии благодаря процедуре индексации пенсий по правилам, предусмотренным в действующем законодательстве для работающих пенсионеров ⁷	увеличение пенсии благодаря процедуре индексации пенсий по правилам, предусмотренным в действующем законодательстве	увеличение пенсии благодаря процедуре индексации пенсий по правилам, предусмотренным в действующем законодательстве
Возможность формирования сбережений за счет пенсии	да, при условии, что заработная плата является основным доходом, а пенсия дополнительным, пенсия может откладываться и являться инструментом формирования сбережений	формирование сбережений возможно при ограничении текущего потребления	формирование сбережений возможно при ограничении текущего потребления
Возможность наследования сбережений, сделанных за счет пенсионных выплат	да, в той части, когда выплаченная пенсия трансформировалась в сбережения пенсионера	да, в той части, когда выплаченная пенсия трансформировалась в сбережения пенсионера	да, в той части, когда выплаченная пенсия трансформировалась в сбережения пенсионера
Возможность наследования пенсии ⁶	нет	нет	нет

⁶ В 2016 г. были индексируются пенсии только неработающим пенсионерам

⁷ В соответствии с законодательством пенсионный капитал может быть увеличен, но не более чем на 3 балла для пенсионеров, оказавшихся от формирования накопительной пенсии, и 1,875 баллов для тех, кто формирует пенсионные накопления.

финансовой организации и пополнять его пенсионных доходами, то с течением времени он сможет накопить сумму, состоящую из ежемесячных пенсионных доходов и капитализации процентов по ним.

Однако возможности реализации данной стратегии в современной российской хозяйственной практике существенно ограничены, главным образом за счет неравенства в оплате труда и дискриминации по возрасту на российском рынке труда. Работающие пенсионеры обычно вынуждены переходить с высокооплачиваемых должностей квалифицированных работников в число обслуживающего персонала, смиряясь со значительным сокращением зарплаты под угрозой увольнения. Таким образом, доход, который они получают от трудовой деятельности, не позволяет в полной мере компенсировать расходы, связанные с удовлетворением базовых потребностей.

Дополнительным ограничением являются расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг, которые составляют значительную часть расходов пенсионера. Также необходимо принимать во внимание отличия в структуре потребления лиц пожилого возраста, у которых значительную долю совокупных расходов составляют расходы на медицинское обслуживание и приобретение медикаментов, что обусловлено ростом заболеваемости и инвалидности.

Таким образом, в условиях высокого уровня относительной бедности российских пенсионеров более предпочтительной стратегией является сохранение трудоспособности после достижения пенсионного возраста в целях компенсации выпадающих доходов и сохранение приемлемого уровня жизни в пожилом возрасте.

Новация № 2. Увеличение минимально необходимого страхового стажа с 5 до 15 лет.

Данная новация имеет значение в большей степени для тех лиц, кто имеет отношение к нелегальному сектору экономики, а

это, по оценкам Росстата, более 14 млн человек в 2013 г. по всей России⁹. Если раньше можно было работать нелегально и иметь лишь 5 лет стажа в легальном секторе, то сегодня ситуация для этой группы значительно меняется. Эта мера, безусловно, может изменить поведение отдельных субъектов. Однако выявить тенденции в изменении поведения экономически активного населения (главным образом лиц трудоспособного возраста) можно только на основе специальных исследований. Повышение минимально необходимого страхового стажа затрагивает прежде всего интересы лиц среднего возраста и лиц предпенсионного возраста.

Человек может менять свою стратегию в трудовой деятельности, адаптируясь под изменения пенсионного законодательства. К примеру, если индивид не имеет необходимого для назначения пенсии страхового стажа, то велика вероятность смены деятельности, перехода из нелегальной занятости в легальный сектор. Увеличение минимального страхового стажа, скорее всего, будет стимулировать лиц среднего возраста и предпенсионного возраста, работающих/работавших в нелегальном секторе и имеющих недостаточный страховой стаж переходить в сектора с официальной занятостью. В остальном представляется, что реализация данной нормы не приведет к существенным изменениям, так как, во-первых, в среднем стаж при выходе на пенсию вдвое превышает данный показатель и, во-вторых, существуют иные виды пенсионного обеспечения, которые распространяются на граждан, не имеющих достаточного трудового стажа. Например, социальные пенсии по старости назначаются без наличия необходимого страхового стажа по достижении 60 лет женщинами и 65 лет мужчинами.

⁹ Экономическая активность населения России – 2014 г.
URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_61/Main.htm

Новация № 3. Минимально необходимая сумма пенсионных коэффициентов.

Произошедшее ужесточение условий выхода на пенсию требует, кроме минимального стажа и достижения пенсионного возраста, наличия минимального количества пенсионных баллов. Это новшество в большей степени коснется людей с низкими легальными доходами: для них повышается риск отказа от назначения пенсии даже при условии достижения пенсионного возраста и наличия минимально необходимого страхового стажа.

Предположим, что доход человека составляет 1 МРОТ, т. е. 5 965 руб. (с 01.01.2015), он отказался от формирования накопительной пенсии, и 16 % страхового тарифа формируют его страховую пенсию. Какое количество пенсионных баллов он сможет накопить за 15 лет трудовой деятельности? Доход равный МРОТ даст 1 балл ИПК, это значит, что для накопления минимально необходимой суммы баллов потребуется 30 лет стажа. Следовательно, может сложиться такая ситуация, когда к моменту достижения пенсионного возраста и при стаже в 15 лет (или более) пенсионных баллов будет менее 30 и в назначении страховой пенсии по старости будет отказано.

С другой стороны, новая пенсионная формула, оперируя понятием максимальное значение годового заработка и максимальное значение ИПК, также устанавливает потолок пенсии для лиц с высокими заработками. Граждане с доходом 66 333 руб. в месяц (796 тыс. руб. в год) и выше могут получить 10 баллов за год при условии отказа от накопительной пенсии, а при ее формировании сумма баллов будет еще меньше.

Применение механизма пенсионных коэффициентов – это самый неоднозначный элемент в современном российском пенсионировании. Во-первых, есть риск появления групп предпенсионеров, достигших

пенсионного возраста, имеющих необходимый стаж при нехватке пенсионных баллов. Это означает, что представителям данной группы необходимо будет продолжать работать в целях формирования пенсионных прав даже по достижению пенсионного возраста. В ином случае им придется рассчитывать на другие виды пенсионного обеспечения, например, социальную пенсию по старости с более высоким возрастным порогом.

Во-вторых, использование элемента «максимальное значение индивидуального пенсионного коэффициента» негативно скажется на категориях граждан с высоким доходом.

Сложно спрогнозировать изменения в поведенческих стратегиях формирования пенсии таких групп, однако, следует отметить несколько важных моментов: для категорий лиц и в тех случаях, когда отсутствуют возможности повышения заработка, усилится степень напряженности и чувство несправедливости в социальной и в том числе пенсионной политике; повысится недовольство среди высокооплачиваемых работников, которые будут получать более низкий размер пенсий.

Наличие механизма конвертации пенсионных баллов в денежный эквивалент повышает вероятность манипулирования пенсионным благосостоянием пенсионеров в зависимости от финансового положения ПФР и экономических возможностей власти и в этом смысле утрачивает свою страховую природу.

Использование пенсионных коэффициентов, таким образом, в большей степени отразится на лицах среднего и предпенсионного возраста, которые уже заработали определенный трудовой стаж и пенсионные баллы. Они смогут вносить коррективы в свою трудовую деятельность в зависимости от суммы накопленных баллов и от продолжительности периода, оставшегося до

достижения пенсионного возраста. Среди возможных поведенческих стратегий могут быть: уход в теневой сектор и сокрытие своих доходов для высокооплачиваемых работников, отказ от накопительной пенсии работниками с низкими доходами в целях увеличения пенсионного капитала.

Новация № 4. Изменение подхода к формированию накопительной пенсии.

Это направление представляется самым интересным, поскольку меняет институциональную структуру пенсионного обеспечения, усиливая вертикальные связи в российском пенсионном контракте. По некоторым причинам накопительный компонент пенсионирования, введенный в 2002 г., стал постепенно упраздняться. Он не ликвидирован, но созданы предпосылки для того, чтобы работающие граждане из числа тех, кто имеет право на накопительную пенсию, добровольно стали от нее отказываться в пользу страховой. На первый взгляд, накопительная пенсия обладает большими преимуществами: ее можно формировать в управляющих компаниях и негосударственных пенсионных фондах по выбору самого застрахованного, она передается по наследству. Исходя из этого, накопительная пенсия может быть более привлекательной для населения. Этот факт подтверждается результатами некоторых социологических опросов. Так, ИнФОМ в 2014 г. обнаружил, что большинство людей 1967 года рождения и моложе (52 %) предпочитают накопительную пенсионную систему, особенно часто к этой категории относятся лица, которые являются клиентами НПФ⁹.

Однако изменения последних лет меняют стратегии этих групп граждан. Так, за 2014 г. по данным соцопроса доля тех, кто сохраняет свои накопления в ПФР, вырос-

ла. Это обусловлено следующими причинами: во-первых, часть людей на фоне информации о моратории на накопления решили вернуться в ПФР. Отсутствие возможности инвестировать накопительную пенсию, делает институт обязательного накопления бессмысленным и поэтому непривлекательным для граждан. Но учитывая тенденцию возврата застрахованных в ПФР, следует отметить и то, что для большинства людей введение моратория на пенсионные накопления оказалось незамеченным, это касается и иных пенсионных нововведений. Во-вторых, в выборку опроса стали попадать «новые», 18–19-летние респонденты, которые пока просто не думают о пенсии и по умолчанию оставляют ее в ПФР.

К сожалению, нет статистических данных, показывающих изменение численности застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования за которых уплачены страховые взносы на финансирование накопительной части трудовой пенсии/накопительной пенсии. Официальная статистика располагает данными за 2012 г., когда общее количество таких лиц составило 38 285 062 чел., а к первому полугодию 2013 г. оно уменьшилось почти на 6 млн и составило 32 518 683 чел.

Полагаем, что изменения в части конвертации пенсионного капитала в пенсионные баллы, произошедшие в 2015 г., еще в большей степени усилят эти тенденции, способствуя изменению стратегий граждан с низкими доходами. Поскольку увеличение общей суммы пенсионных баллов возможно, в том числе благодаря отказу от накопительной пенсии и переводу ее в состав страховой, то некоторые группы могут быть заинтересованы в отказе от накопления для того, чтобы получить минимально необходимую сумму пенсионных баллов к моменту достижения пенсионного возраста. Прежде всего это касается работников среднего возраста с низкими доходами.

⁹ По законодательству РФ наследуются только накопительные пенсии, страховые пенсии по старости как основной вид пенсионного обеспечения не наследуются.

Произошедшие изменения подталкивают людей к приспособлению под новые уже-стоившиеся условия. И в целом поведенческие альтернативы будут сводиться к приспособлению к новым условиям и выбору, соответственно, наиболее оптимального варианта (граждане с маленькими доходами с большой вероятностью будут предпочитать отказ от накопительной пенсии); сохранится категория так называемых молчунов, которые безучастно присоединятся к новым пенсионным правилам. Если молчуны не приняли самостоятельного решения относительно выбора НПФ или УК для формирования накопительной пенсии до 2015 г., то с 2016 года у них будет формироваться только страховая пенсия, на которую будут страховые взносы в полном объеме.

В целях корректной оценки перспектив реализации различных пенсионных стратегий необходимо рассматривать их в длительной исторической ретроспективе, так как совокупность условий, которые оказывают непосредственное влияние на уровень пенсионного обеспечения и совокупного благополучия пожилых людей, зависит от решений, принятых на протяжении всего жизненного курса, в том числе в части решений, связанных с выбором профессии и места работы.

Стратегии, когда первоначальный выбор профессии обусловлен льготами при получении пенсионного блага в современной российской практике не имеет широкого распространения. Более вероятно, что молодые люди отдадут предпочтение собственным интересам, моде, престижу при выборе профессии, а вот лица среднего возраста в большей мере ориентируются на привилегии и бонусы, в том числе в пенсионном обеспечении при выборе/смене работы. С переходом в группу предпенсионеров трудовая деятельность в большей степени рассматривается как переходный этап из группы предпенсионеров в пенсионеры.

В ходе исследования мы не выявили факторов, которые бы позволяли говорить, что граждане РФ выбирают профессию или производят смену работы из-за имеющихся пенсионных привилегий. Более того, социологические исследования показывают, что первоначальный выбор работы сопряжен с реализацией личностных интересов. Однако результаты панельного исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», показывают, что достаточно часто при назначении досрочных пенсий, граждане продолжают работать на тех же местах (например, педагоги, медицинские сотрудники и т. д., в том числе это касается профессий с вредными условиями труда). Примеры такого рода подтверждают факт оппортунизма и приспособления к пенсионной политике. Пенсионеры-досрочники находятся в более выгодном положении в сравнении с другими, поскольку с момента назначения пенсии большинство из них имеют как минимум два вида дохода: пенсию и заработную плату. А институт досрочных пенсий, таким образом, формирует стремление к получению дополнительной экономической ренты за счет привилегий, созданных в пенсионной системе.

Выводы

Подводя итоги проведенного исследования необходимо отметить несколько важных выводов:

1. Развитие российской пенсионной системы характеризуется непоследовательностью реализуемых мер, их частой изменчивостью. Такая нестабильность вызывает недоверие со стороны населения и, соответственно, неуверенность в пенсионном обеспечении в долгосрочной перспективе.
2. Российский пенсионный контракт характеризуется преобладанием вертикальных связей и их углублением

вследствие последних пенсионных трансформаций. В результате произошло усиление позиций государства при сокращении возможностей для населения принимать самостоятельные решения и, соответственно, разрабатывать самостоятельные стратегии в части создания пенсионного блага. Все это формирует пассивность и снижение интереса со стороны населения к вопросам пенсионирования.

3. Пенсионные новации 2015 г. также не способствуют активизации граждан в процессах развития стратегий жизненного курса в части формирования пенсионного блага: отсрочка обращения за назначением пенсии как способ повышения размера пенсии вряд ли будет популярной для населения мерой и, скорее всего, окажется незамечен-

ной; реакцией возрастных групп на увеличение размера страхового стажа и введение системы пенсионных коэффициентов станет очередное приспособление к изменившимся условиям пенсионирования; трансформация института пенсионных накоплений для одних групп отразится молчаливым присоединением к новым правилам без активного волеизъявления либо адаптацией к новым условиям.

В процессе исследования установлено, что трансформация институтов пенсионного обеспечения усиливает вертикальные тенденции в пенсионном контракте. Наиболее популярными формами участия разных возрастных групп в процессе формирования пенсионного блага в России являются пассивное «молчаливое» присоединение либо приспособление (адаптация) к внедряемым пенсионным новациям.

Список использованных источников

1. Estes C. Social Policy and Aging: A Critical Perspective. CA: Sage, 2001. 286 p.
2. Komp K., Aartsen M. Old Age in Europe. A Textbook of Gerontology. Springer, 2013. 140 p.
3. Phillipson C. The Political Economy of Old Age // M.L. Johnson, V.L. Bengtson, P.G. Coleman, T.B.L. Kirkwood. The Cambridge Handbook of Age and Ageing / M.L. Johnson (eds). Cambridge University Press, 2005. 772 p.
4. Evandrou M., Glaser K. Family, work and quality of life: changing economic and social roles through the lifecourse // Ageing and Society. 2004. Vol. 24, Is. 5. P. 771–791.
5. Harper S. The Ageing of Family Life Transitions // The Futures of Old Age / In J.A. Vincent, C. Phillipson, M. Downs (eds). London: Sage, 2006. P. 164–171.
6. Warnes A. The Future Life Course, Migration and Old Age // The Futures of Old Age / In J.A. Vincent, C. Phillipson, M. Downs (eds). London: Sage, 2006.
7. Lloyd-Sherlock P. Old age and poverty in developing countries: New policy challenges // World Development. 2000. Vol. 28, No.12. P. 2157–2168.
8. Zaidi A. Well-being of Older People in Ageing Societies. Ashgate, 2008. 320 p.
9. Foster L. Older people, pensions and poverty: An issue for social workers? // International Social Work. 2011. Vol. 54, No 3. P. 344–360.
10. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

11. Vincent J. Who's afraid of an ageing population? // *Critical Social Policy*. 1996. Vol. 47, Is. 16. P. 3–26.
12. Baldock J. Social Policy, Social Welfare and the Welfare State // *Social Policy* / J. Baldock, N. Manning, S. Vickerstaff (eds). 3rd edition. Oxford: OUP. 2007. PP. 5–30.
13. Binmore K. Reciprocity and the Social Contract // *Politics, Philosophy, Economics*. 2004. Vol. 3, No 1. P. 5–35.
14. Tienda M. Demography and the social contract // *Demography*. 2002. Vol. 39, No 4. P. 587–616.
15. Christians A. Sovereignty, Taxation and Social Contract // *Minnesota Journal of International Law*. 2009. Vol. 18, No. 1. P. 99–153.
16. Мосейко В.В. Пенсионирование как смешанное общественное благо // *Журнал экономической теории*. 2010. № 1. С. 176–184.
17. Кац И.С., Севастьянова Е.А., Веретенникова А.Ю. Теоретико-методологический анализ современных подходов к исследованию сектора общественных благ // *Вестник УрФУ*. 2015. № 5. С. 670–686.
18. Гурвич Е. Принципы новой пенсионной реформы // *Вопросы экономики*. 2011. № 4. С. 4–31.
19. Shestakova E.E. Main trends in reforming provision of pensions // *Studies on Russian Economic Development*. 2015. Vol. 26, Is. 6. P. 609–615.
20. Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Пенсионная реформа в России 1990 г.: хорошее начало и печальные результаты // *Государство и право*. 1998. № 3. С. 20–27.
21. Малева Т.М., Синявская О.В. Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. Серия «Аналитические доклады НИСП». М., Поматур, 2005. 90 с.
22. Назаров В. Будущее пенсионной системы: параметрические реформы или смена парадигмы? // *Вопросы экономики*. 2012. № 9. С. 67–87.
23. Назаров В. Ключевые развилки пенсионной реформы // *Общество и экономика*. 2012. № 12. С. 79–109.
24. Роик В.Д. Пенсионная реформа: нужна концепция социального контракта поколений россиян для XXI века // *ЭКО*. 2012. № 2. С. 58–71.
25. Соловьев А.К. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность : учеб. пособие. М.: Проспект, 2014. 300 с.
26. Nepp A.N. The role of demographic risks for unfunded pension systems // *World Applied Sciences Journal*. 2013. Vol. 27, Is. 13. P. 234–240.
27. Nepp A.N., Kryuchkova P.V., Semin A.N., Kopnov V.V. The financial development perspective of funded pension systems // *Life Science Journal*. 2014. Vol. 11, Is. 11. P. 288–293.
28. Горлин Ю.М., Малева Т.М., Назаров В.С., Гришина Е.Е., Федоров В.В., Кириллова М.К. Разработка пенсионной формулы для расчета солидарной части трудовой пенсии с учетом стимулирования более позднего выхода на пенсию, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://w82.ganepa.ru/rnp/ppaper/nvg178.pdfv>.
29. Дмитриева О., Петухова Н., Ушаков Д. Переход от распределительной пенсионной системы к накопительной: результаты и критерии эффективности // *Вопросы экономики*. 2010. № 4. С. 43–60.
30. Синявская О.В., Бирюкова С.С. Социальная защита и реформа пенсионной системы : доклад // *Социальная политика в России: долгосрочные тенденции и изменения последних лет* / отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Якобсон.

- М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
31. Соловьев А.К. Проблема преодоления бедности пенсионеров ключевая задача государства и общества современной России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2014. № 5 (35). С. 143–155.
32. Соловьев А. Уровень бедности пенсионеров: факторы формирования и условия преодоления // *Экономист*. 2014. № 8. С. 48–72.
33. Роик В.Д. Превратить старость в радость: Основы жизнедеятельности населения в пожилом возрасте. М.: МИК. 2008. 432 с.
34. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под ред. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синавской. М.: НИСП, 2007. 640 с.
35. Дорофеева З. Пенсионные стратегии в трансформирующемся обществе // *Человек. Общество. Управление*. 2007. № 2. С. 58–65.
36. Кузина О.Е. Динамика пенсионных стратегий населения за 2005–2012 гг. // *Мир России: социология, этнология*. 2013. Т. 22, № 4. С. 118–147.
37. Pensions at a Glance 2013 OECD AND G20 INDICATORS. OECD Publishing. Available at: http://dx.doi.org/10.1787/pension_glance-2013-en.
38. Moseiko V. Social pension contract in people's long life wellbeing development // *Lifelong Wellbeing In The World: International Scientific Symposium Proceedings (Tomsk, 28–30 April, 2014)* / ed. by G.A. Barysheva, L.M. Borisova. Tomsk: TPU Publishing House, 2014. P. 56–62.

Moseiko V.V.

*Kaliningrad State Technical University,
Kaliningrad, Russia*

Frolova E.A.

*Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russia*

THE INSTITUTIONAL INNOVATIONS IN RUSSIAN PENSION SCHEMES AND THEIR IMPACT ON PENSION STRATEGY OF PERSONS

Abstract. The analysis of predictors for participation in producing the pension good for different age groups (pension strategies) on the basis of the life course theory after the changes in the pension legislation in 2015 is presented in this article. The purpose of this study is to identify the most effective strategies for retiring people in Russia, taking into account the pension innovations which were implemented in 2015. The effects of delayed retirement, increasing retirement age, the pension rates, changes in savings mechanisms are described in the article. The institutional contract theory was used as the theoretical background of the study. The databases of the Organization for Economic Cooperation and Development, Federal State Statistic Service, Pension Fund of Russia data and data from sociological surveys were also used for this research. In this study we have found the difference of the Russian pension contract: main decisions

about pension schemes are made only by government without negotiating them with society. These features do not induce financial independence and autonomy for individuals as to their participation in the pension system. The changes to the pension system introduced in 2015 do not allow for increasing individuals' motivation to produce the pension good, do not drive their activity in life course. The most popular mechanisms of participation in the pension system in Russia for different age groups are either the adaptation to or participation in modern pension innovations. The conclusions of the study can be useful for future research in the development of the Russian pension system.

Key words: pensioning; pension insurance; social contract; pension; pension good; life course strategy.

References

1. Estes, C. (2001). *Social Policy and Aging: A Critical Perspective*. CA, Sage, 286.
2. Komp, K., Aartsen, M. (2013). *Old Age in Europe. A Textbook of Gerontology*. Springer, 140.
3. Phillipson, C. (2005). The Political Economy of Old Age. Johnson M.L., Bengtson V.L., Coleman P.G., Kirkwood T.B.L. *The Cambridge Handbook of Age and Ageing* / M.L. Johnson (eds). Cambridge University Press, 502–509.
4. Evandrou, M., Glaser, K. (2004). Family, work and quality of life: changing economic and social roles through the lifecourse. *Ageing and Society*, Vol. 24, Issue 5, 771–791.
5. Harper, S. (2006). The Ageing of Family Life Transitions. *The Futures of Old Age*. In J.A. Vincent, C. Phillipson, M. Downs (eds). London, Sage, 164–171.
6. Warnes, A. (2006). The Future Life Course, Migration and Old Age. *The Futures of Old Age*. In J.A. Vincent, C. Phillipson, M. Downs (eds). London, Sage.
7. Lloyd-Sherlock, P. (2000). Old age and poverty in developing countries: New policy challenges. *World Development*, Vol. 28, No.12, 2157–2168.
8. Zaidi, A. (2008). *Well-being of Older People in Ageing Societies*. Ashgate, 320.
9. Foster, L. (2011). Older people, pensions and poverty: An issue for social workers? *International Social Work*, Vol. 54, No 3, 344–360.
10. Esping-Andersen, G. (1990). *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge, Cambridge University Press.
11. Vincent, J. (1996). Who's afraid of an ageing population? *Critical Social Policy*, Vol. 47, Issue 16, 3–26.
12. Baldock, J. (2007). Social Policy, Social Welfare and the Welfare State. *Social Policy*. Baldock J., Manning N., Vickerstaff S. (eds), 3rd edition. Oxford, OUP, 5–30.
13. Binmore, K. (2004). Reciprocity and the Social Contract. *Politics, Philosophy, Economics*, Vol. 3, No 1, 5–35.
14. Tienda, M. (2002). Demography and the social contract. *Demography*, Vol. 39, No 4, 587–616.
15. Christians, A. (2009). Sovereignty, Taxation and Social Contract. *Minnesota Journal of International Law*, Vol. 18, No. 1, 99–153.

16. Moseiko, V.V. (2010). [Pension provision as a mixed public good]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian Journal of Economic Theory], No 1, 176–184.
17. Kats, I.S., Sevast'yanova, E.A., Veretennikova, A.Iu. (2015). [Theory and methodology in modern approaches to public sector analysis]. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie* [Bulletin of UrFU. Series Economics and Management], No 5, 670–686.
18. Gurvich, E. (2011). [Roadmap for the New Pension Reform]. *Voprosy ekonomiki*, No 4, 4–31.
19. Shestakova, E.E. (2015). Main trends in reforming provision of pensions. *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 26, Issue 6, 609–615.
20. Zakharov, M.L., Tuchkova, E.G. (1998). [Pension reform in Russia in 1990: a good start and deplorable results]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], No 3, 20–27.
21. Maleva, T.M., Siniavskaia, O.V. (2005). [Pension reform in Russia: background, results, prospects]. Moscow, Pomatur.
22. Nazarov, V. (2012). [The Future of the Pension System: Parametric Reforms or the Change of a Paradigm?]. *Voprosy ekonomiki*, No 9, 67–87.
23. Nazarov, V. (2012). [Key alternatives of the pension reform]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economics], No 12, 79–109.
24. Roik, V.D. (2012). [Pension reform: a concept of a social contract between generations of Russians is needed for the 21st century]. *EKO*, No 2, 58–71.
25. Solov'ev, A.K. (2014). [Pension reform: illusions and reality]. Moscow, Prospekt.
26. Nepp, A.N. (2013). The role of demographic risks for unfunded pension systems. *World Applied Sciences Journal*, Vol. 27, Issue 13, 234–240.
27. Nepp, A.N., Kryuchkova, P.V., Semin, A.N., Kopnov, V.V. (2014). The financial development perspective of funded pension systems. *Life Science Journal*, Vol. 11, Issue 11, 288–293.
28. Gorlin, Iu.M., Maleva, T.M., Nazarov, V.S., Grishina, E.E., Fedorov, V.V., Kirillova, M.K. (2014). [Designing a pension formula for calculating the PAYG part of retirement pension including stimuli for later retirement]. Available at: <http://w82.ranepa.ru/rnp/ppaper/nvgl78.pdfv>.
29. Dmitrieva, O., Petukhova, N., Ushakov, D. (2010). [The Transition from Distributive Pension System to Accumulative Type: The Results and Efficiency Forecast]. *Voprosy ekonomiki*, No 4, 43–60.
30. Siniavskaia, O.V., Biriukova, S.S. (2015). [Social protection and pension reform in Russia]. *Social policy in Russia: long-term trends and changes of recent years*. Moscow, Higher School of Economics.
31. Solov'ev, A.K. (2014). [Alleviation of pensioners' poverty a key task for the state and society in contemporary Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: Facts, trends and forecast], No 5 (35), 143–155.
32. Solov'ev, A. (2014). [Poverty among pensioners: drivers and conditions for mitigation]. *Ekonomist* [Economist], No 8, 48–72.
33. Roik, V.D. (2008). [Making mature years joyful: Basic everyday life activities in old age]. Moscow, MIK, 432.

34. Matlevaia, T.M., Siniavsiaia, O.V. (2007). *[Parents and children, men and women in a family and society]*. Moscow, NISP.
35. Dorofeeva, Z. (2007). [Pension strategies in a society undergoing transformation]. *Chelovek. Obshchestvo. Upravlenie [Man. Society. Administration]*, No 2, 58–65.
36. Kuzina, O.E. (2013). [Dynamics of people's pension strategies between 2005 and 2012]. *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya. [World of Russia: sociology, ethnology]*, Vol. 22, No 4, 118–147.
37. *Pensions at a Glance 2013 OECD AND G20 INDICATORS*. OECD Publishing. Available at: http://dx.doi.org/10.1787/pension_glance-2013-en.
38. Moseiko, V. (2014). Social pension contract in people's long life wellbeing development. *Lifelong Wellbeing In The World: International Scientific Symposium Proceedings (Tomsk, 28-30 April, 2014)*. Tomsk, TPU Publishing House, 56–62.

Information about the authors

Moseiko Victoria Vladimirovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economic Theory, Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia (236022, Kaliningrad, Soviety prospect, 1); vimoseiko@gmail.com.

Frolova Elena Alexandrovna – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics, National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Prospekt Lenina, 30); e-mail: fea78@tpu.ru.